

УДК 001.891

С.И. Афанасьева

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ЛИРИКЕ ПОЭТЕССЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИРИНЫ КНОРРИНГ: КРЫМСКИЙ ДИСКУРС

Обращение к литературному наследию русского зарубежья как полноправной, а не гипотетической части историко-культурной жизни XX века представляется актуальным в современных условиях кризиса духовности, когда становится все более очевидным утрата человеком современной эпохи нравственных ориентиров и идеалов, отсутствием «почвы» под ногами.

Осмысление места эмиграции в общем потоке русской культуры, начатое в 80-ых годах прошлого века со снятием идеологических запретов, продолжается. Эмигрантология как неотъемлемая часть русистики представлена целым рядом научных исследований как российских ученых, начиная от фундаментальных трудов В.В. Агеносова, А.Д. Алексева, О.Н. Михайлова, А.Н. Николукина, В.В. Шадурского и др. и заканчивая исследованиями последних лет (С.Р. Габдуллина (2004), А.А. Забияко (2007), Ю.М. Матвеева (2009), О.А. Фещенко (2005) и др.), так и украинских (В.П. Казарин, О.В. Резник, Л.М. Борисова, М.П. Билык, И.М. Богоявленская, О.В. Корчевская, К.В. Хинкиладзе и др.).

По мнению профессора Л.Г. Березовой, «барьер замалчивания этого огромного пласта русской истории уже преодолен в 90-е гг., но единого ответа на вопрос, какое место в судьбе России занимает феномен эмиграции, еще нет» [1:120].

Насильственно отторгнутые от родной земли революцией и Гражданской войной миллионы русских людей, рассеянные по всему миру, унесли с собой воспоминания о прошлой жизни, сохранили в эмиграции русскую культуру.

В литературе русского зарубежья вопрос об отношении человека к дому, Отечеству, родному очагу как исходным константам человеческого бытия, осознаваемым в качестве ценностей, был закономерен в виду того, что русские эмигранты рассматривали дом как некий духовно-исторический стержень, традицию.

Использование концепт-анализа при прочтении художественных текстов поэтов-эмигрантов обусловлено необходимостью системного изучения лирики первой волны русской эмиграции в когнитивном аспекте, важностью для отечественного литературоведения рассмотрения темы Крыма в поэтическом наследии русского зарубежья.

По мнению литературоведа, доктора филологических наук О.В. Резник, «связь концептуальности и концепт-анализа позволяет не только структурировать самый разнообразный материал, но и описать специфику индивидуально-авторского мироощущения, реализованного в тексте» [6:93].

С учётом того, что в современной науке существует несколько определений базового термина когнитивистики «концепт» (А.П. Бабушкин,

С.Г. Воркачѳв, Д.С. Лихачѳв, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов и др.), нами использовано понимание концепта как многомерного ментального образования, которое представляет собой составную часть культурной памяти любого объѳма и является выражением индивидуальной мировоззренческой позиции автора.

Разделяя мнение исследователя И.В. Постоловой, что «именно субконцепты обеспечивают вариабельность главного концепта» [5:1], считаем также небезынтересным выявление ключевых субконцептов – составляющих главного концепта «дом» и концептообразующих символов в творчестве поэтессы первой волны русской эмиграции И. Кнорринг.

Ирина Николаевна Кнорринг (1906-1943), в замужестве Софиева, принадлежит к младшему, «незамеченному» поколению (В. Варшавский) русских поэтов-эмигрантов, вывезенных из России после окончания Гражданской войны еще детьми и получивших известность уже в эмиграции.

О творчестве поэтессы положительно отзывались известные поэты и критики эмиграции первой волны - Г. Струве, Г. Адамович, В. Ходасевич, М. Цетлин, Ю. Терапиано, поэт и литературовед третьей волны эмиграции В. Крейд. Стихи И. Кнорринг высоко оценила А. Ахматова. Среди современных исследователей творчества поэтессы, в первую очередь, необходимо отметить И. Невзорову (Москва), В. Соколову (Москва), В. Тюрину (Орел), М. Лезинского (Севастополь-Израиль).

Детские годы будущая поэтесса провела в небольшом имении Елшанка Самарской губернии, принадлежавшем роду Кноррингов, обрусевших немцев, выходцев из Баварии, где работали ее родители - Николай Николаевич Кнорринг (1880-1967), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, и мать, Мария Владимировна (урожденная Щепетильникова, 1881-1954), выпускница Высших женских курсов в Казани. К этому времени относятся и первые поэтические опыты Ирины Кнорринг.

С 1910 года детские воспоминания Ирины связаны уже с Харьковом, куда семья переехала после назначения Н.Н. Кнорринга директором гимназии. Елшанку, куда Ирина с родителями приезжала летом, во время каникул, она вспоминает как рай (дружная образованная семья, общение с двоюродными братьями и сестрами - Игорем, Галѳ, Ниной, Олегом, изучение иностранных языков, неброская красота русской природы).

Революция и последовавшая за ней Гражданская война вынудили семью Кнорринг покинуть Харьков. Последовал долгий путь в переполненном товарном вагоне агитпоезда на юг, в Ростов-на-Дону. Это был, не считая тревожных сводок с фронтов, относительно спокойный период в жизни семьи Кнорринг. Затем были Туапсе, Керчь, Симферополь. В Симферополе Николай Николаевич Кнорринг преподавал историю в Таврическом университете, затем в Морском кадетском корпусе Севастополя. В ноябре 1920 года в составе этого корпуса семья эвакуировалась в Бизерту (Тунис), с 1921 по 1925 гг. жили в Сфаяте (Тунис), где Ирина закончила школу и получила «Свидетельство о

зрелости» при Морском корпусе. В 1925 году семья переехала во Францию, сначала в Севр, а через два года – в Париж [5:320]. В 1928 г. Ирина вышла замуж за молодого русского поэта Ю.Б. Бек-Софиева (1899-1975), одного из организаторов «Союза молодых поэтов и писателей».

Революционные и военные события, захват немцами Харькова в 1918 году, бегство из родного города, трагические дни и месяцы бездомья в Ростове, Туапсе, неустроенность жизни в Крыму нашли отражение в дневниковых записях и поэтическом творчестве Ирины Кнорринг, четырнадцатилетним ребенком навсегда покинувшей родную землю.

Жизнь семьи Кнорринг, которая, как и тысячи других, была лишена привычного уклада жизни, дома как защищенного, укромного пространства, нашла отражение в стихотворениях «Песня» (1919), «Изгнанники» (1920), «Там у моря дальнего...» (1920), «Хвала тебе, о смерть всесильная...» (1920), «Напрасно ты ждешь его ночью глухой...» (1920), «Все бежим – и не убегаем» (1924) и др. География беженства имеет четкие пространственные (станции Кавказская, Тихорецкая, Новороссийск, Туапсе, Керчь, Симферополь, Севастополь) и временные маркеры (декабрь 1919 года, январь-октябрь 1920 года). Это своеобразная поэтическая летопись событий Гражданской войны в России, увиденной глазами до времени повзрослевшего ребенка: «В нас нет стремления, в нас нет желания, / Мы только тени, / В нас жизни нет», - читаем мы в стихотворении «Изгнанники», написанном 22 января 1920 года в Туапсе [2:124]. В поэтических текстах этого периода субконцепт «Крым», который, по нашему мнению, можно рассматривать и как составляющую концепта «дом» (временный дом периода Гражданской войны), и как составляющую концепта «Родина», реализуется имплицитно. Это «солнцем выжженная степь», «сон увянувшей долины», «полукруг туманных гор», «волны моря», «костры рыбаков». О том, что действие происходит в Крыму, указывают только место и дата написания лирических произведений: 8 мая 1920. Симферополь «Бесконечная ровная даль»; 1 сентября 1920. Симферополь «Песня узника»; 25 октября 1920. Севастополь «Здесь мертво все, и вершины гор...» [2:124-125].

В стихотворениях, посвященных событиям Гражданской войны и изгнания, концепт дом реализуется в значении «анти-дом», доминирующими признаками которого являются тупое бессилие в ожидании неутешительных вестей с фронтов и невозможность что-либо изменить, страдания, увядание жизни и желаний: «У нас нет жизни – она увяла, / У нас нет мысли в немых сердцах. / Душа стремиться и жить устала - / Мы только призрак, мы только прах!» [2:124]. Скупыми строками юная поэтесса смогла передать основное настроение тысяч беженцев – обреченность, ненужность: «Для новой жизни мы не нужны...» (стихотворение «Изгнанники») [2:124].

В лирическом произведении «17 ноября 1919 года», написанном уже в эмиграции в 1923 году, краткими лаконичными фразами дается картина трагических скитаний многих тысяч россиян, ставших жертвами Гражданской войны, лишенных дома, вовлеченных в водоворот политического и военного

противостояния: «Метель крутила мокрый снег, / Туман окутал цепь вагонов, / И жизнь свою без слов и стонов / Ломал упрямый человек» [2:122]. Концепт «дом» в художественном тексте реализуется в значении «анти-дом». «Анти-дом» для лирической героини – это бесконечный стук колес, темнота и холод ночи, неловко прижимающиеся друг к другу люди на колком сене вагона, горящие в темном углу две свечи, неверное мерцание которых обретает почти мистический смысл. Поэтесса делает безутешный вывод, что прежней жизни уже не будет, что «в дрожанье гаснувших свечей» в сумрачном углу вагона зарождается образ новой жизни, лишенной теплоты и уюта домашнего очага: «Впервые лет грядущий гений / Явился в сумрачном углу. В той, будущей, жизни уже не будет места радости и спокойствию: / В короткий день вся жизнь поблекла, / Погасли яркие лучи; / Уж сердце вешнее сжималось / Предчувствием ужасных дней» [2:122].

Мотив пути в неизвестность, бездомности звучит и в стихотворении «Рождество» (24 декабря 1925. Париж). Возвращаясь мысленно в военные годы, поэтесса вспоминает «оснеженные дни», «сдавленные стоны», «тревожные сцепления вагонов». Вокзалы - характерная примета бездомья, кочевой жизни: «Как страшен был заплеванный вокзал, / И целый день визжали паровозы» [2:122]. Атмосферу страха перед неопределенным будущим передает эмотивно окрашенная лексика, повторы: «Как в ночь летели звездные огни, / Как в ночь летели сдавленные стоны». Актуализируется оппозиция «дом-анти-дом», которая усиливается во второй части стихотворения, повествующей о начале изгнания навсегда: «Я помню, / Как отражались яркие огни / В зеркальной глади темного канала, / Как в душных трюмах увядали дни, / И как луна кровавая вставала / За темным силуэтом корабля» [2:122]. Драматизм описываемых событий передается с помощью эпитетов *кровавая луна*, *душные трюмы*, *темные силуэты кораблей*. Эпитет «кровавая» несет двойную смысловую нагрузку: это не только цвет луны, но и цвет братоубийственной войны, жертвами которой стали миллионы русских людей на полях сражений и миллионы россиян, навсегда утративших дом, родину. Безысходность, горечь изгнания передают следующие строки: «И кровь в висках стучала горячей / В тот страшный год позора и проклятья...» [2:122].

В стихотворении нет четких маркеров крымского топоса. Военный Крым для поэтессы - это переполненные трюмы кораблей, дикий ветер, рыдающие звуки корабельного горна, холодные казематы, минуты ожидания, становящиеся вечностью, желание побыстрее достичь земли, охватившее всех беженцев «от бака до юта». Это желание отравлено скорбными размышлениями о том, что эта земля будет чужая: «Земля...но чья?» [2:122]. Фоновую атмосферу безнадежной обреченности создают бесформенная черная мгла за бортом кораблей и бесконечный холодный дождь, падающий с небес. Пафос стихотворения трагический.

Крымские реалии воссозданы и в стихотворении «Нам не радуга в небе сияла», написанном в Париже и датированном 14 января 1935 года. Поэтесса

вновь и вновь мысленно возвращается в тот день, когда за кормой кораблей, увозящих на борту воинов Добровольческой (в Крыму Русской) армии, членов их семей, гражданских лиц, не пожелавших принять большевистский режим, исчезли «очертания смутного Крыма», ставшего последним местом боев за Россию и последним пристанищем для многих тысяч беженцев. С помощью ретро-картин концепт «дом» реализуется в значении «анти-дом». Дом как защищенное, обжитое пространство остался позади, в прошлом. В настоящем нет места проигравшим. Родина отказалась от своих детей. «Силуэты ночных кораблей» ассоциируются у поэтессы со странничеством, изгнанием. День ухода из Крыма остался в памяти лирической героини «седым», «обезумевшим»: «Нас дождливая муть провожала / И чертила круги на воде» [2:125]. Душевное состояние беженцев, толпящихся вдоль бортов переполненных кораблей, когда их взору предстали очертания крымских берегов, «чем-то близкие сердцу места», передают следующие поэтические строки: «В этот час не звучало над нами / Легендарное имя Христа» [2:125]. По мнению поэтессы, даже Господь в этот момент отвернулся от изгнанников. Крым – «врата изгнания» (В. Тюрина), корабли – концептообразующие символы утраченных навсегда дома, родины. Но даже после долгих лет скитаний и мытарств на чужбине память эмигрантов бережно хранит воспоминания о последних минутах прощания с родной землей: «Но с тех пор суеверно храним мы / Всю тоску этих призрачных дней» [2:125]. Местоимение «мы» помогает передать драматическое мироощущение не только лирической героини, но и всех русских людей, выброшенных за пределы родины октябрьским вихрем и Гражданской войной.

Концептообразующий символ корабля как составляющая концепта «анти-дом» встречаем и в одноименном стихотворении, написанном 22 июня 1921 года в Бизерте и посвященном русскому флоту: «Плавно качаясь на гребне бесцветных валов, / Старый корабль отходил от родных берегов. / Ярко сверкала на солнце холодная сталь, / Медленно, важно он шел в бесконечную даль» [2:125]. Далее поэтесса указывает причину, которая гонит корабль прочь от родных берегов: «Сила иная, не слава, - позор и печаль / Гнали его в неизвестную чуждую даль. / Вслед раздавались проклятья и крики врагов» [2:125]. Корабль, уходящий от родной земли в «дикое море», - концептообразующий символ «анти-дома». «Анти-дом» в авторском сознании поэтессы, это место, где нет приюта участникам битв и «славных могучих побед». Гражданские идеалы, воинская слава и доблесть не нужны родине, где правят новые хозяева, изгнавшие прежних. Россия, бывшая когда-то домом, обжитым пространством, средоточием традиций, превращается в «анти-дом», признаками которого являются слезы, рыдания, стоны, позор, печаль: «Правил им ужас и вел его горьким путем. / В омут чужих, неприветливых, сумрачных волн / Робко вошел он, уныния гнетущего полн» [2:125]. Лишенный возможности служить родине, корабль медленно умирает: «Встал, опустел, в молчаливой тоске одичал, / Флаг опустил, почернел и навек замолчал» [2:125].

Общая тональность стихотворения И. Кнорринг соотносится с символическим планом, содержит библейские (Ноев ковчег) и литературные реминисценции («Воздушный корабль» Лермонтова).

Крымский дискурс имплицитно реализуется и в стихотворении «Я девочкой уехала оттуда», написанном 7 мая 1924 года в Сфаяте. Лирическому произведению предпослан эпиграф – строки из стихотворения Анны Ахматовой: «Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой». Переключка двух поэтов односторонняя. Вот что по этому поводу пишет исследователь В.А. Соколова: «Эта оборванность связи тоже сказывалась на творчестве Кнорринг, делала процесс чтения-учебы самостоятельным, а обращение к творчеству Ахматовой напоминало на обращение к уже завершеному источнику» [7:63].

За три года до смерти, в 1940 году, Ирина Кнорринг пишет значимое в контексте всей эмигрантской лирики стихотворение «Зачем меня девочкой глупой». Основная мысль этого лирического произведения – боль утраты дома, родины навсегда, не утихшая в сердце поэтессы после двадцати лет вынужденного изгнания: «Зачем меня девочкой глупой / От страшной родимой земли, / От голода, тюрем и трупов/ В двадцатом году увезли?» [8].

По глубокому убеждению И. Кнорринг жизнь вне родины, пусть и ставшей «страшной родимой землей» (оксюморон), теряет смысл: «Так кончилось все. Неужели / Сначала весь нищенский путь? / Без веры, без смысла, без цели, / С последней мечтой – отдохнуть» [8]. В лирическом стихотворении четко прослеживается жизненная позиция автора, степень понимания проблем своего времени и поколения, умение выразить их на концептуальном и эмоциональном уровнях.

Франция, приютившая русских изгнанников, не стала для Ирины Кнорринг домом, родиной. В стихотворениях поэтессы, написанных на чужбине, концепт дом реализуется в значении «анти-дом», «чужой дом»: «Шепчет ночь, колдунья, пророчица» (27. IV. 1929. Matar nite); «Вечерами в комнате отельной» (4. IX. 1929); Я знаю, как печальны звезды» (9. XI. 1931); «С каждым годом - все дальше и дальше» (2.V.1939); «Живи не так, как я, как твой отец» (21.X. 1940) [4], [8]. Субконцепт «Крым» имплицитно реализуется в стихотворениях «Вечерами в комнате отдельной», «Колыбельная, которую я тебе пела», посвященных сыну Игорю. Это темно-синее море, уплывающие корабли, матрос, которому снятся далекая родина, отчий дом, отец, покинутая мать [8].

Таким образом, мы можем сделать выводы, что в стихотворениях поэтессы первой волны русской эмиграции Ирины Кнорринг, посвященных Гражданской войне и изгнанию, актуализируется концепт «анти-дом». Поезда и корабли - концептообразующие символы «анти-дома». Субконцепт «Крым», который можно рассматривать и как составляющую концепта «анти-дом», и концепта «Родина», реализуется имплицитно. О том, что действие происходит в Крыму,

указывают только топонимы «Крым», «Керчь», место и дата написания лирических произведений (Симферополь, Севастополь, 1920 г.).

В стихотворениях поэтессы, написанных на чужбине, актуализируется концепт «анти-дом», доминирующий признак которого выражен эпитетом *чужой*.

Литература

1. Березовая Л.Г. Культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века / Л.Г. Березовая // Новый исторический вестник. – 2001. - №3 (5). – С. 120-173.
2. Кнорринг И. ОЧЕРТАНИЯ СМУТНОГО КРЫМА... Стихотворения. Из забытого и неизвестного. (Публ. В. Тюриной) / Ирина Кнорринг // Крымский альбом: Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Вып. 8. / Сост., предисловия к публ. Д.А. Лосев. – Феодосия; Москва: Издательский дом «Коктебель», 2004. – С. 108-129.
3. Кнорринг И.Н. // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918-1940). - Т.1. -. Писатели русского зарубежья. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
4. Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник / Гл. ред. и сост. Ю.А. Мухачев; Под общ. ред. Е.П. Чельшева и А.П. Дегтярева. – М.: Парад, 2006. – 680 с.
5. Постолова И.В. Концепт «война» в ключе традиционализма позднего Белля (на материале произведения «Потерянная честь Катарини Блум») / И.В. Постолова // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Філологія. – 2010. – № 901, вип. 59. – С. 87 – 91.
6. Резник О.В. Типология и поэтика персонализма в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. ...д-ра филол. наук / О.В. Резник. – Симферополь, 2010. – 430 с.
7. Соколова В.А. Мотивы лирики И.Ф. Анненского и А.А. Ахматовой в творчестве Ирины Кнорринг (разветвленность поэтической родословной) / В.А. Соколова // Вестник Новогород. гос. ун-та, 2010. - 56. – С. 62-66.
8. Стихотворения Ирины Кнорринг // Сайт Натальи Лайдинен: антология женского творчества разных времен и народов. – Режим доступа. – URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=1788&letter=%CA&cod>

Анотація

Стаття присвячена дослідженню кримського дискурсу реалізації концепту «дім», ключових субконцептів в ліриці поетеси першої хвилі російської еміграції Ірини Кнорринг. У статті доводиться, що у віршах, присвячених Громадянській війні та вигнанню, актуалізується концепт «анти-дім». Дім у вигнанні поетеса сприймає як чужий дім, «анти-дім».

Ключові слова: лірика першої хвилі російської еміграції, концепт «дім», кримський дискурс.

Аннотация

Статья посвящена исследованию крымского дискурса реализации концепта «дом», ключевых субконцептов в лирике поэтессы первой волны русской эмиграции Ирины Кнорринг. В статье доказывается, что в стихотворениях, посвященных Гражданской войне и изгнанию, актуализируется концепт «анти-дом». Дом в изгнании поэтесса воспринимает как *чужой* дом, «анти-дом».

Ключевые слова: лирика первой волны русской эмиграции, концепт «дом», крымский дискурс.

Summary

The article investigates the Crimean discourse of the concept of "home", key subconcepts in the lyrics of poet of the first wave of Russian emigration Irina Knorring. It is proved that the concept of "anti-house" is actualized in the poems dedicated to the Civil War and exile. The poetess perceives home-in-exile as someone else's home, an "anti-home."

Key words: lyrics of the first wave of Russian emigration, the concept of "home", the Crimean discourse.

УДК 821.161.1-1

А.В. Белоус

ОБ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ (1883 – 1887)»

В истории русской поэзии есть немало забытых поэтических книг. Их судьбу нередко определяет невысокий художественный уровень, неудачное время выхода в свет, опережение поэтом своего времени, когда его стихи по достоинству смогли оценить только читатели следующих поколений. Первая поэтическая книга Д.С. Мережковского [2] осталась вне поля зрения читателей и исследователей по совокупности причин. Одна из важнейших состоит в том, что ее заслонила следующая книга молодого поэта, «Символы», которая ознаменовала собой рождение нового поэтического течения. Цель данной статьи состоит в том, чтобы обозначить основные особенности этой ранней книги стихов и определить ее место в истории русской поэзии. К этой теме, к сожалению, обращались в своих исследованиях лишь несколько литературоведов [1; 3; 4].

Анализ этого сборника, рассмотренного в контексте русской поэзии 1880-х гг., позволяет сделать выводы о том, что он находится на пересечении двух